

Войной пропитанное творчество

5 декабря, в день начала контрнаступления советских войск под Москвой, в Белом зале Союза журналистов Москвы состоялась традиционная встреча с ветеранами журналистики, теми, кто воевал на полях Великой Отечественной войны. Среди них был Василий Сергеевич Суров,

участвовавший во многих решающих сражениях. На встрече присутствовали студенты Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета. Василий Сергеевич рассказал им о своем боевом прошлом.

– *Василий Сергеевич, как началось ваша фронтовая жизнь?*

Войну я встретил семнадцатилетним. Учился в 659-й московской школе, был секретарем комсомольской организации. Когда узнал, что наступила война – побежал в книжный магазин и купил карты Германии, 15 штук, для всех членов комитета комсомола. Тогда думалось, что Сталин даст приказ, наши танки пойдут вперед, за ними пехота, и мы будем занимать германские города, но этого не произошло.

На второй день войны я пошел в Ленинградский райком комсомола, чтобы узнать, как работать в условиях войны. Миша Морозов, первый секретарь, говорит: «Пока указаний мы не получали, отработайте цепочку». А цепочка, что это такое? Нужно было быстро собирать комсомольские организации. Собрали цепочку, нас было 400 человек. Золкин, ответственный работник райкома ВКП(б) (тогда еще не было КПСС) произнес такую речь: «Ребята, вопрос стоит так – быть или не быть Советскому Союзу». Ну что за вопрос такой?! Конечно – быть! «Завтра мы с вами должны поехать копать могилу Гитлеру».

Трое суток мы добирались до Вязьмы, это уже Смоленская область. Приехали туда, загнали нас на какую-то стройку, поставили охрану, приказ – никого не выпускать. Мы без еды и воды, терпеть это уже было невозможно, и я проявил некую инициативу. Взял да написал на вахту записки с просьбой выпустить 15 человек. На вахте ничего не знали, какой-то Суров написал, наверное, начальник. Ребят выпустили, и все они побежали в пельменную. Написал ещё несколько таких записок. Так удалось накормить ребят. Конечно, позже стало известно о моей своевольной выходке, однако никакого наказания не последовало, наоборот меня, можно сказать повысили, назначили помощником Золкина.

Работа была очень тяжелой. Вставать приходилось рано, брать лопаты и копать противотанковые рвы. Уже 22 июля немцы начали бомбить Москву. Методично, каждую ночь, в 2 часа, пролетали самолеты и грохотало прямо над нами. Ничего сделать мы не могли, связь с Москвой было утеряна, только в Вязьме еще был телефон, но до нее было не дойти. Мы очень волновались, живы ли наши родственники, стоит ли наш дом – ничего не знали.

В начале августа немцы уже взяли Смоленск и Вязьму, и мы оказались в зоне боевых действий. Поступил приказ немедленно вернуть ребят в Москву. А как вернуть? Поезда уже не ходили, военные машины везут снаряды и тяжелораненых, значит, единственный способ – ногами, пешком в Москву. На полпути нас встретили машины.

Когда мы пережили бомбежку Москвы, все сразу решили – пойдём в военкомат и будем проситься на фронт. Но в военкомате сказали: «Надо будет – позовем, а пока идите на завод».

В Ленинградском районе было пять авиационных заводов. Мы начали с 1-го авиационного завода им. Сталина, нас приняли. Я попал в медницкий цех, мастер у меня был – Василий Шабанов. В первый же день я сделал 50 обтекателей – норму рабочего.

В один из дней прихожу на завод, а мне говорят: «Иди к

Степанову, он выписывает командировки». Это был наш начальник мастерской. Так я получил первую в моей жизни командировку. В ней было написано: «Суров Василий Сергеевич по решению Государственного Комитета Обороны направляется в служебную командировку, город Куйбышев». Срок командировки обозначен не был, начало – 5 октября 1941 года.

Ехали мы 28 дней. Мечта была у всех одна: приехать, бросить вещи и – в баню! Но такого не получилось, поезд не остановился на станции Куйбышев, высадил всех на Безымянке, это 10 км от Куйбышева. Там нас встретил представитель завода и сказал, что нашим устройством занимаются. Оставили под присмотром вещи и отправились на завод. В отделе кадров у нас отобрали паспорта. Приходим в цех, а цеха-то никакого и нет, земля да стены. Какие-то зеки тянут наверху провода.

Работали мы по 12-18 часов. Труд – изнурительный, одна неделя – ночная смена, вторая – дневная. В ночную смену обед у нас был в 2 часа ночи, но есть не хотелось, хотелось только поспать. Мы поднимались на 5-й этаж своего корпуса, там был

кабинет директора завода. Дверь всегда была открыта. Обычно директор выходил к нам с чайником, наливал в кружки кипяток, секретарша добавляла заварки и давала по кусочку сахара. Мы поьем, а через полчаса снова выходил Третьяков: «Ну, ребяташки, а теперь в цех». Мы слышали, как Третьяков разговаривал со Сталиным, каждую ночь ровно в 2 часа он звонил на завод. Конечно, мы не знали, что говорил Сталин, но догадаться было не трудно. Он спрашивал: «Сколько вы сделали самолетов? – Пять самолетов. – Мало! – Иосиф Виссарионович, завтра мы постараемся сделать 6 самолетов. – Мало! – Металла у нас нет. – Металл будет». Вот и весь разговор. На следующий день: «Сколько вы сделали самолетов? – Пять самолетов. – Вы обещали шесть. – Иосиф Виссарионович, металл не поступил, мы

не смогли. – Металл будет, я вам сказал». И так каждую ночь он обзванивал всех директоров крупных заводов. Он занимался и фронтом, и тылом.

Военкомат присылал нам повестки, и я хотел идти воевать. Приходил в отдел кадров завода за паспортом с повесткой, но мне говорили: нужно будет – отправим. И мы понадобились только в 42-м году. Тогда собрали молодых людей, нас было человек сто, выступил военный комиссар, за ним директор завода. «Мальчики, вы очень нужны заводу, у вас у всех бронь от армии, но на войне вы еще нужнее», – сказал нам Третьяков. И почти все на следующий день уже ехали на фронт. Так началась моя военная жизнь.

- На фронте у вас или у ваших товарищей было ощущение отчаяния?

- У меня никогда не было такого ощущения, а вот у некоторых было. Но кто считал: «Такая война – не выживем», они почему-то погибали. Погибали по-разному, были даже самострелы, которых считали изменниками Родины.

- С какими трудностями вы столкнулись на фронте?

- На фронте трудностей было много. Вспоминаю, как плохо было с хлебом. В феврале 43-го все дороги завалило снегом. Продуктовый газик застрял в семнадцати километрах от нас. Полк без хлеба. Что делать? По решению штаба отправляют разведчиков на помощь, в их числе и я. Начальник разведки нарисовал нам план местности – большое поле, деревня Кукушкино, лес, снова поле и поселок Калинино. Здесь в центре находится наша машина.

Выходим на рассвете. Дорога вся в снегу, сбиваемся. К обеду прошли полпути. В стороне стоят три деревни, а обозначена одна. Подумали, что заблудились, и решили проверить. Одного из наших товарищей, Малютина, оставили на дороге – ему тяжело идти, 42 года старому солдату. Направляемся в среднюю деревню, заходим в первую избу, спрашиваем хозяйку, как называется деревня. Отвечает: «Кукушкино. – А как другие деревни называются? – Тоже Кукушкино. Наша вторая. Хорошо, в третью не

пошли, там немцы стоят, а в первой, у леса, наши партизаны».

Хозяйка приглашает нас к столу – картошки покушать. Она прямо из печки. Отказываемся: «Нам некогда, бабуся, задание у нас. – Ну возьмите с собой. – А водички попить можно? – Вот это не могу дать – всю в кастрюлю вылила. Немцы нам все колодцы отравили, ходим на речку, как темнота наступает. А днем боимся – снайперы у них. И вы осторожней будьте. Возьмите кружку, в проруби зачерпнете воды. Там ее и оставьте, никто не возьмет. А я вечером пойду за водой и заберу».

Мы попили водички и пошли по льду к дороге, где оставили товарища. Добрели до леса, там нас окликнули партизаны: «Вы кто будете?». Познакомились. Малютин подарил командиру гвардейский значок, был у него второй. Тот обрадовался: «Ребята! – крикнул он своим – Мы теперь с вами гвардейцы». И показал им подарок.

– А чего вы за хлебом идёте? Давайте вам две кругляшки дадим.

– Нет, нам нужно на весь полк.

Партизаны угостили нас чаем, посидели, поговорили. Собрались идти дальше.

– А давайте мы вас на лошадке подкинем. Четыре километра лесная дорога все-таки.

С радостью принимаем предложение. Возница довез нас до опушки, дальше мы пошли сами.

Отыскали свою машину. Капитан Крамарев, полковой начпрод, похвалил нас, сказал, что завтра, может быть, поедем вместе, если шофер отремонтирует машину.

А если нет? Наш старший Лапин решил: поспим, загрузим вещмешки буханками и с рассветом пойдём в часть.

Малютина оставили, он совсем занемог – пусть едет на машине.

На обратном пути было легче – дорога известная. Хотели поприветствовать партизан, но их на месте уже не было. Дошли до деревни, навстречу нам подвода, правит пожилой мужик. Спросили, откуда он едет. Он ответил – из третьей.

– Как из третьей, там же немцы стоят!

– Стояли. Ночью их партизаны выбили. Я свою родню навещал. А вы куда идете?

Мы объяснили.

– Так вам через третью ближе будет. Давайте я с вами развернусь.

Мы, рядовые, обрадовались, даже мешки свои в телегу бросили. А Лапин не согласился:

– Пойдем старым путем.

Потом он поругал нас:

– Какие же вы разведчики? Вдруг этот мужик полицай, откуда нам знать! Так бы отвез нас и сдал немцам.

Приходим в свою часть. Встречает нас Малютин. Оказывается, он уже три часа как приехал. Машина ехала другой дорогой, и мы с ним разминулись. Вот такая фронтовая история.

А вот еще памятный эпизод. Было это в конце Курской битвы. Помню, 5 августа 1943 года по радио выступает Левитан: «Через несколько минут будет передано важное сообщение», и так несколько раз. В полку поднялась паника, думали, что немцы применили газ. Перед этим был захвачен один эшелон, где был вагон с газовыми баллонами. Говорили, что фрицы готовились применить этот газ, а противогазов уже почти ни у кого не было, они были тяжелые, и многие их просто побросали. Пятнадцать минут Левитан говорил: «Важное сообщение, важное сообщение», но потом мы узнаем, что наши войска взяли города Орел и Белгород. Москва дала первый салют в честь этого

события.

– А вы можете рассказать о сплочении русского народа? О том, как люди вместе держались.

– Насчет русского народа – в нашей армии все шофера почему-то были украинцы. Хорошие ребята были, замечательные. Полк, в котором я служил, сам по себе был интернациональный. Кого только не было: и узбеки, и туркмены, но конечно, больше всего было русских, москвичей.

– Что вам особенно запомнилось из фронтовой жизни?

– Мы освобождали Западную Украину, это самый бандеровский район. Однажды вечером наши ребята сели играть в домино, а мне это было неинтересно. Я взял автомат и пошел на хутор беседовать с населением. Подхожу к одному дому, стучу. Старушка открывает дверь. Я захожу. Там человек 7 сидит за столом, ребята лет по 18-20. Один постарше. Ужинают. Мне старушка говорит: «Сидайте с нами». Сел я с ними за стол. Поглядывают на меня, как на врага. Потихоньку, за разговором, они ко мне потеплели. Посидели, я поглядел – темно, ночь, куда идти- то, дороги уже не видно. Попросил хозяйку постелить мне соломы прямо на кухне. На всякий случай перед сном прижал к себе автомат, поставил его на взводе. Просыпаюсь – в хате светло, никого нет, одна бабуля у печки стоит. «А где хлопцы то?», а она: «Они на зайчиков пошли», я думаю – какие зайчики? 4 километра немцы, 2 километра наши, заградотряд (заградительный), наша пехота стоит, какие зайчики могут быть. Позавтракал у нее и отправился к своим. Прошел метров двадцать, обернулся, смотрю: стоит на пороге, крестит. Спасла меня бабуля, уже после я окончательно узнал, что забрел в гости к бандитам.

Деревню ту мы покинули, но пришлось оставить там трактор – он не завелся. Чинить его оставили тракториста и механика. Прошла неделя – ребят нет. Решили послать за ними разведчиков. Я тоже хотел отправиться с ними – поблагодарить старушку,

гостинец ей отвезти. Добро дали, и я уже шел с автоматом к машине, как окликнул меня начальник политотдела: «Суров, куда собрался? Оставайся на месте». Приказы, как известно, – не обсуждались, пришлось остаться. А позже выяснилось, расстреляли наших, и меня могли бы. Был ли у меня некий ангел-хранитель – ничего сказать не могу.

– Когда вы связали свою жизнь с журналистикой? Вы хотели с детства работать в этой сфере?

– Можно сказать да, с детства. В школе я всегда был редактором стенной газеты. На фронте выпускал боевые листки. На войне беседовал с местным населением: интересовался, как они жили в оккупации.

После войны я окончил школу, поступил в педагогический институт им. Потёмкина на истфак. Был секретарем комсомольской организации факультета. Потом меня избрали в бюро Советского райкома комсомола. Стал заведующим отделом пропаганды и агитации. Сотрудничал в комсомольской печати.

Однажды мне позвонили из журнала «Молодой большевик», пригласили побеседовать и предложили у них работать. В итоге, оставаясь членом бюро райкома комсомола, я стал литсотрудником журнала. Помню такой случай. Поручили мне статью аспирантки Академии общественных наук при ЦКВКП (б) Васильевой. Статья неплохая. Но все-таки требовала редакторской правки. Поправил, отдаю статью заведующей редакцией. Та в ужасе: «Ты что наделал? Это же Светлана Аллилуева, дочь Сталина». Оказалось, Аллилуева работала под псевдонимом. Пришлось вернуть статью исходный вид и опубликовать. Журнал вышел. Светлана звонит мне и спрашивает, когда можно получить гонорар. Бегу к главному редактору. Оказывается, гонорар ей не выписали – зачем дочери Сталина какие-то гроши? Редактор звонит главному бухгалтеру, просит включить Аллилуеву в ведомость. А мне поручается вместе с автором поехать в издательство «Молодая Гвардия» – там была наша бухгалтерия – и помочь получить деньги. По дороге Светлана спрашивает меня, не вычли ли у неё из гонорара налог

за бездетность, ведь у неё есть дети. Очевидно, отец ей не помогал.

– Вы следите за текущими СМИ, чем они отличаются от предыдущих?

– Думаю, что особо нечем. Конечно, оперативность передачи информации ускорилась в разы. Молодежь и сейчас талантливая, в каждом времени есть свои особенности и таланты. Я считаю, что история не пропустит никого.

– Чего не хватает современному журналисту?

– По-моему, у нас хорошая молодежь, и статьи хорошие. Читаю «Московский комсомолец», пишут правду, резко, мне нравится. Уровень печати явно поднялся. По телевизору я смотрю новостные программы.

Хотелось бы пожелать новым поколениям не гнаться за сенсациями, стараться давать материалы, в которых бы поднимались актуальные, реальные проблемы нашей жизни. И бережно относиться к русскому языку. К сожалению, многие статьи и выступления по радио и телевидению грешат безграмотными выражениями, штампами.

– Как война отразилась на вашем творчестве?

– Я являюсь автором проекта «Воспоминания участников Великой Отечественной войны в записи школьников». Начиная с 2004 года, вышло уже 17 книг. Название последней – «Вспомним всех поименно», перед этим была большая книга «Мы воевали не за ордена». Пишу о войне, и войной пропитано все мое творчество.

Вера Матвеева, Валентина Шевелькина,

студенты Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета